

Гусев — эпизод 4 из 5

Проходит два дня. Павел Иванович уже не сидит, а лежит; глаза у него закрыты, нос стал как будто острее.

Павел Иванович! окликает его Гусев. А, Павел Иванович!

Павел Иванович открывает глаза и шевелит губами.

Вам нездорово?

Ничего... отвечает Павел Иванович, задыхаясь. Ничего, даже, напротив... лучше... Видишь, я уже и лежать могу... Полегчало...

Ну, и слава богу, Павел Иванович.

Как сравнишь себя с вами, жалко мне вас... бедняг. Легкие у меня здоровые, а кашель это желудочный... Я могу перенести ад, не то что Красное море! К тому же, я отношусь критически и к болезни своей, и к лекарствам. А вы... вы темные... Тяжело вам, очень, очень тяжело!

Качки нет, тихо, но зато душно и жарко, как в бане; не только говорить, но даже слушать трудно. Гусев обнял колени, положил на них голову и думает о родной стороне. Боже мой, в такую духоту какое наслаждение думать о снеге и холоде! Едешь на санях; вдруг лошади испугались чего-то и понесли... Не разбирая ни дорог, ни канав, ни оврагов, несутся они, как бешеные, по всей деревне, через пруд, мимо завода, потом по полю... Держи! кричат во все горло заводские и встречные. Держи! Но зачем держать! Пусть резкий, холодный ветер бьет в лицо и кусает руки, пусть комья снега, подброшенные копытами, падают на шапку, за воротник, на шею, на грудь, пусть визжат полозья и обрываются постромки и вальки, чёрт с ними совсем! А какое наслаждение, когда опрокидываются сани и летишь со всего размаху в сугроб, прямо лицом в снег, а потом встанешь весь белый, с сосульками на усах; ни шапки, ни рукавиц, пояс развязался... Люди хохочут, собаки лают...

Павел Иванович открывает наполовину один глаз, глядит им на Гусева и спрашивает тихо:

Гусев, твой командир крал?

А кто ж его знает, Павел Иванович! Мы не знаем, до нас не доходит.

И затем много времени проходит в молчании. Гусев думает, бредит и то и дело пьет воду; ему трудно говорить, трудно слушать, и боится он, чтоб с ним не заговорили. Проходит час, другой, третий; наступает вечер, потом ночь, но он не замечает этого, а всё сидит и думает о морозе.

Слышно, как будто кто вошел в лазарет, раздаются голоса, но проходит минут пять, и всё смолкает.

Царство небесное, вечный покой, говорит солдат с повязкой на руке.

Неспокойный был человек!

Что? спрашивает Гусев. Кого?

Помер. Сейчас наверх унесли.

Ну, что ж, бормочет Гусев, зевая. Царство небесное.

Как, по-твоему, Гусев? спрашивает после некоторого молчания солдат с повязкой. Будет он в царстве небесном или нет?

Про кого ты?

Про Павла Иваныча.

Будет... мучился долго. И то взять, из духовного звания, а у попов родни много. Замолят.

Солдат с повязкой садится на койку к Гусеву и говорит вполголоса:

И ты, Гусев, не жилец на этом свете. Не доедешь ты до России.

Нешто доктор или фельдшер сказывал? спрашивает Гусев.

Не то, чтобы кто сказывал, а видать... Человека, который скоро помрет, сразу видно. Не ешь ты, не пьешь, исхудал глядеть страшно. Чахотка, одним словом. Я говорю не для того, чтобы тебя тревожить, а к тому, может, ты захочешь причаститься и собороваться. А ежели у тебя деньги есть, то сдал бы ты их старшему офицеру.

Я домой не написал... вздыхает Гусев. Помру, и не узнают.

Узнают, говорит басом больной матрос. Когда помрешь, здесь запишут в вахтенный журнал, в Одессе дадут воинскому начальнику выписку, а тот пошлет в волость или куда там...

Гусеву становится жутко от такого разговора, и начинает его томить какое-то желание. Пьет он воду не то; тянется к круглому окошечку и вдыхает горячий, влажный воздух не то; старается думать о родной стороне, о морозе не то...

Наконец, ему кажется, что если он еще хоть одну минуту пробудет в лазарете, то непременно задохнется.

Тяжко, братцы... говорит он. Я пойду наверх. Сведите меня, ради Христа, наверх!

Ладно, соглашается солдат с повязкой. Ты не дойдешь, я тебя снесу. Держись за шею.

Гусев обнимает солдата за шею, тот обхватывает его здоровой рукою и несет наверх. На палубе вповалку спят бессрочноотпускные солдаты и матросы; их так много, что трудно пройти.

Становись наземь, говорит тихо солдат с повязкой. Иди за мной потихоньку, держись за рубаху...

Темно. Нет огней ни на палубе, ни на мачтах, ни кругом на море.